

РАБОТА СРЕДИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Уже с первых дней плена у Трумпельдора появилась идея создать организацию евреев военнопленных. И он энергично взялся за этот план. То, что японцы разместили нас по национальностям, было ему только на руку. Он воспользовался еще тем, что каждые 10 пленных имели отдельный стол, и предложил, чтобы каждый стол выбрал своего представителя для образования Совета, который будет обсуждать «жизненные вопросы» пленных евреев. Предложение было принято и выборы были произведены. На первом же заседании этого Совета Трумпельдор внес ряд предложений. Первым делом — организовать кассу взаимопомощи. Касса эта должна помогать небольшими суммами — главным образом ремесленникам на предмет приобретения инструментов; в отдельных случаях она могла выдавать и на покупку белья тем, у которых такового не имеется. Вторых, — открыть школу; для выполнения же

всей этой работы — избрать комитет из 5 человек. Все эти предложения были приняты. Трумпельдор был избран председателем комитета и руководителем культурно-просветительной комиссии.

Он обратился с горячим призывом к тем, у кого имелись кое-какие средства, чтобы они не забыли своих неимущих товарищей, и касса сразу получила возможность начать функционировать. Еврейские бараки превратились в мастерские; то там, то здесь можно было видеть сапожника или портного, склонившимся над своей работой. И не только портные и сапожники были устроены, но и фотограф, и парикмахер, и прочие ремесленники получили возможность, благодаря кассе, зарабатывать сантим-другой на табак или на мыло.

Что касается культурных начинаний, то Трумпельдор первым делом произвел перепись всех грамотных, полуграмотных и безграмотных, а также собрал всех, кто способен был преподавать; затем он устроил школу. Учились всему: кто грамоте, кто истории, кто географии, кто арифметике, а кто всем предметам сразу. Была группа и «высших знаний». Работа в школе кипела. Сразу записались сотни людей. Не прошло и недели, как пришлось школу эту расширить. Поступила просьба к

Трумпельдору и от русских пленных, чтобы он и у них организовал, под своим руководством, школу. Он удовлетворил эту их просьбу, ибо, говорил он, в деле образования «несть ни эллина, ни иудея». Первоначально школа находилась тут же в бараках, но теперь, когда число желающих учиться так расширилось, Трумпельдор обратился к японским властям с просьбой отвести особое помещение для школы. Японцы отвели для этой цели специальный барак. Школа сразу приняла широкие размеры; она насчитывала до 2500 учеников. Целый длинный летний день школа работала. Одна группа сменяла другую по очереди. Были приобретены доски, образовался маленький фонд для покупки письменных принадлежностей. Встретились, однако, и затруднения: не было учебников. Трумпельдор решил и этот вопрос, и решил просто. Он, бывало, сидит по ночам и «создает» учебник русской грамматики. На клочках бумаги он писал и другие учебники. На утро его записки подхватывались, переписывались и передавались другим, переходя из рук в руки. По праздникам он читал лекции по элементарной истории и космографии. Впоследствии число учеников в школе еще больше возросло, так как те, которые кое-чему уже научились, имели свои маленькие группы

у себя «дома», в своем бараке, — понятно, под общим наблюдением Трумпельдора. Он старался привлечь грамотных к учительству, и ему удалось это. Имелась уже довольно обширная группа учителей из вольноопределяющихся и других более образованных элементов среди пленных.

Само собой разумеется, что школа создала спрос на книгу. Очень многие тянулись к чтению, — но не было книг. Тогда Трумпельдор собрал всех учителей и учеников и предложил организовать библиотеку на следующих началах: у многих пленных несомненно имеются книги; пусть все эти книги будут снесены в одно место, с тем, что при отъезде на родину книги будут каждому возвращены. Предложение было принято. Был избран библиотекарь, к которому стали сносить книги. Таким образом, постепенно образовалась библиотека в несколько тысяч томов.

Образовалась вскоре также еврейская театральная «труппа». Она сорганизовалась под руководством одного военнопленного еврея — профессионального артиста из Киева. «Труппа» была довольно сносная. Она стала готовиться к постановке пьесы «Продажа Иосифа» на еврейском языке (идиш). Но вот беда, — русские идиш не понимают. Трумпельдор и тут при-

думал: он выпустил либретто пьесы на русском языке, в котором дал полное изложение этой пьесы. Постановка имела большой успех; пьеса прошла два раза.

Трумпельдор часто выпускал воззвания к пленным евреям по тем или иным вопросам. Видя, что печатное слово оказывает большое влияние, он задумал издавать постоянную газету для евреев. Задумал — и сделал. Ему было тем легче осуществить это, что к тому времени он мог опираться уже на организованный им сионистский кружок, насчитывавший до 125 членов; он и был председателем кружка. Организация 500 евреев в одну общину, касса взаимопомощи, школа общая и специально-еврейская, беседы на общие и специально-еврейские темы, театр еврейский и общий — все это была одна сторона его деятельности в плену, так сказать, общая, общечеловеческая. Но наряду с ней он ни на мгновение не забывал сионистской работы. Организовав сионистский кружок из пленных евреев, он завязал переписку с американской сионистской федерацией и получил от нее 100 шекельных квитанций, литературу и пр.

Газета выходила еженедельно на русском языке. Называлась она: «Еврейская жизнь».

Бней-Цион мишвуим б'Япан». Редактором ее был сам Трумпельдор, он же был и ее главным сотрудником. Издавалась газета довольно изящно, на хорошей белой японской бумаге; печаталась она на японском гектографе «циклостил». В газете давалась полная картина жизни пленных евреев. Особенно рельефно выделялись фельетоны самого Трумпельдора, под общим названием: «Говорят». Этому «Говорят» боялись пуще огня. По пятницам, — день выхода газеты, — собираются, бывало, вокруг «редакции» и гадают, кто мол сегодня попал в «Говорят». Очень жаль, что позднейшие обыски в Петербурге не оставили нам ни одного номера этой газеты; теперь я не знаю, где можно достать хотя бы один экземпляр. Выхода газеты мы ждали с огромным нетерпением и расходилась она в 200—250 экземплярах, так как многие собирали номера газеты, чтобы повести на родину. Стоила газета всего 5 японских сант. в месяц (5 коп. за 4 номера).

Средства на издание давал сионистский кружок. Кружок собрал 110 рублей в пользу национального фонда и записал И. Трумпельдора в Золотую Книгу. Кружок занимался и культурной работой. Он был разбит на десятки, и каждый день Трумпельдор устраивал беседу в другой десятке. День беседы был для

десяток праздником. Устраивался «ужин», состоявший из хлеба, редьки, лука, чая и мандарин. И на этих чаепитиях Трумпельдор проповедывал свои идеи, идеи «трудовых колоний» в Палестине и идеи «Нагана», совпадавшие с идеями позднейшей организации «Насхомег».

— В Палестине, — говорил он, — до сих пор нет еще еврейских сторожей и нет почти еврейских рабочих. наших рабочих нет там потому, что трудно им конкурировать с туземцами, с арабами, у которых меньше культурных потребностей — в газете, книге, одежде, пище. От всех этих, связанных с более высоким культурным уровнем, потребностей городскому жителю трудно отвыкнуть. Мы, прошедшие огонь и воду, проливавшие кровь свою за чужие идеалы, отправимся в Палестину и создадим там образцовую во всех отношениях колонию, которая не будет пользоваться наемным трудом; мы покажем другим пример, что при желании можно обойтись в земледелии без эксплуатации чужого труда ибо для Палестины важнее создать землеробов, а не землевладельцев. Такова первая задача. Но есть и другая: организовать группу сторожей, которая будет уходить в другие колонии и наниматься для охраны, для «Нагана». Это дело новое, но колонисты поймут, что мы будем служить им

не за страх, а за совесть. Ведь служа у частного колониста, мы этим самым делаем общее национальное дело, ибо имущество отдельного лица в Палестине так же дорого, как и имущество национального фонда. Понятно, мы должны стремиться к тому, чтобы земля в новой Палестине принадлежала всему народу, но в то же самое время важно для нации, чтобы и частные хозяйства в стране увеличивались, ибо чем больше будет евреев в Палестине, тем скорее мы ее сможем завоевать. Само собою разумеется, завоевывать страну можно только трудом. Но разве охрана не труд? Всякий труд ценен для Палестины, и тяжелый и легкий. А мы еще не знаем, какой труд тяжелее: нести ли охрану или же работать «пьемом»?

Труд и охрана еврейского имущества в Палестине — таковы были лейтмотивы проповеди Трумпельдора. Проповедовал он эти принципы всем, но осуществить эти идеи он считал не всех способными. Не все могут, не все достойны. К народному делу, по его мнению, должны подходить только честные, сильные телом и духом. И из 125-ти зарегистрированных членов нашего сионистского кружка Трумпельдор выбрал лишь одиннадцать, с которыми он мечтал, по возвращении в Россию, отправиться в Палестину еще в 1906 году. Он на-

деялся, что сионистские круги помогут этой группе и средствами и информацией. Он предложил этой «коммуне» обратиться к М. Усышкину, которого он помнил еще со времен своей сионистской деятельности в Пятигорске, когда он, Трумпельдор, был председателем тамошнего сионистского кружка, а Усышкин уполномоченным этого района. М. Усышкин, по его мнению, человек последовательный и энергичный, обладающий железной волей; при том, ведь, именно Усышкин выступил с проектом, чтобы еврейская молодежь отбывала в Палестине определенное время сионистскую повинность, так что идея группы должна быть близка ему, и он, по всей вероятности, окажет всяческое содействие делу организации еврейской охраны в Палестине. Интересно отметить здесь, что позже, уже после возвращения из плена, мы в Петербурге получили от М. Усышкина по поводу наших планов о еврейской охране ответ, который гласил: «В Палестине не было, нет и не может быть еврейской охраны»... Конечно, не только этот ответ был причиной тому, что наша группа не уехала в Палестину в 1906 году. Были и другие причины, которые заставили тогда Трумпельдора отложить это дело на некоторое время.

Наступила Пасха 1905 г. Пленные евреи

стали пред вопросом, как добыть мацу. Ведь они не ели хомец, когда были в огне, в Порт-Артуре, — тем более теперь. И все без исключения как-то само собою устремили взоры на Трумпельдора; он, мол, может помочь в деле получения мацы, он, как представитель пленных евреев, должен представить докладную записку японской власти об отпуске на пасхальные дни муки вместо хлеба. И, действительно, Трумпельдор отдается этому делу так, как только он умел отдаваться. Хлопочет пред японцами, раз'ясняет им в чем тут дело, что такое для евреев Пасха, маца и проч. Японцы согласились выдать муку, отвели печь и выдали эту муку за две недели до праздников. Трумпельдор был счастлив: все евреи имели мацу и могли устроить Пасху по всем правилам религии.

— Да разве вы религиозны, что так хлопочете о маце? — спрашивали Трумпельдора наши доморощенные «философы».

— Чудаки, — отвечал им покойный. — Пасха у евреев не религиозный праздник, а символ освобождения от рабства, а маца — это народный обряд, который следует чтить, если живешь среди народа.